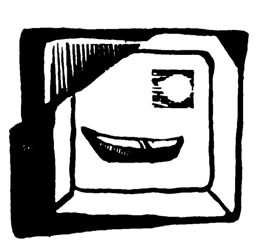
Елена
Аксельрод
Лодка на снегу

Дорогим друзьям [illegible] — [illegible] с любовью

Е. [illegible]

20/[illegible]-1986



Елена Аксельрод

Лодка на снегу

СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК 84. Р7
А 42

Художник МАРИЯ ЭЛЬКОНИНА

А $\frac{4702010200-184}{083(02)-86}$ 164—86

* * *

Хоть мир широк, строка моя узка.
И лишь мой малый мир в нее вместится.
В нее стучатся страны и века,
Но строго обозначена граница.

Мой малый мир! Помилуйте, но в нем
Любовь и смерть — последнее объятье.
В нем горе белым залито вином,
В нем давний счет, предъявленный к оплате.

Как переулок мой, узка строка,
Но в каждой улочке грохочет город.
Мой малый мир — клочок черновика,
Кровоточит он, колеями вспорот.

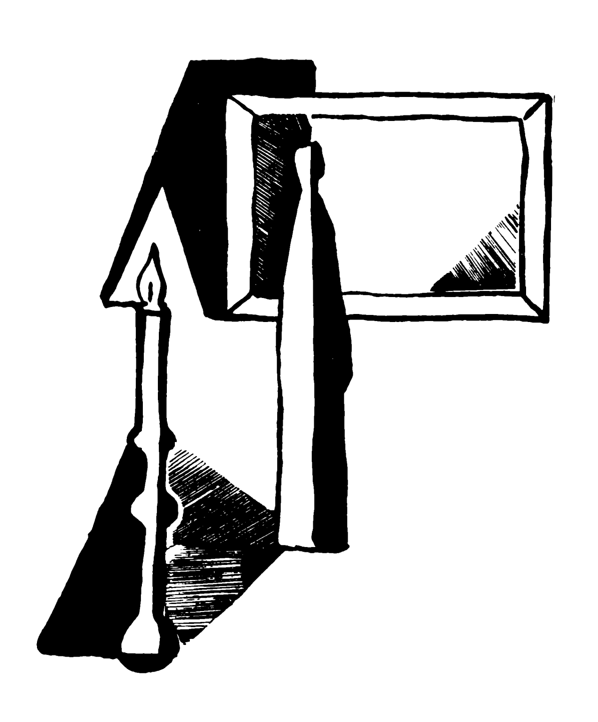
Размыты строчки кляксами дождей,
И ластиками шин поспешно стерты,
И вновь проявлены в тиши полей,
Где мир мой ширится, вбирая версты.

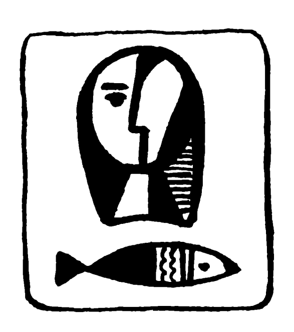
Пусть, точно комната, тесна строка,
Но в ней, как в комнате, три поколенья.

Лишь названы — не узнаны пока...
Не сдаться бы и не предаться лени!

Мой малый мир! Он ждет таких трудов,
Что мне на них навряд ли хватит жизни...

А сосны за окном поют,
                                        поют без слов,
И целый мир в их гулкой укоризне.





Родство

* * *

Дождь — веревочная лестница.
Мне взобраться бы по ней,
Со ступеньки верхней свеситься,
Чтобы глянуть в пропасть дней.

Различить к земле придавленный
Во дворе московском дом.
В низенький штакетник вправленный
Палисадник под окном.

Разрослись там беспорядочно
Желто-круглые цветы.
Дома тесно, дома празднично,
Дома радости просты:

Многолюдный чай с баранками —
Папа ворожит над ним...

Где-то над чужими странами
Всходит нам невидный дым.

А над нашей хлипкой крышею
Лишь дымка печного тень...
Но уже теплушка рыжая
Нас трясет который день.

Еле проступают в пропасти
Тихий ослик, и арык,
И тетради первой прописи,
И акына темный лик.

Алатау озаренная,
А другой пожар далек.
Есть и луковка вареная,
И яичный порошок.

Репродуктор, сводок крошево,
Кособокий саксаул.
Ничего не ждет хорошего
Сумрачный хозяйский мул...

Что же после?.. Память мается.
Лестница оборвалась.
В луже прячется, ломается
Меж Вчера и Завтра связь.

* * *

Памяти поэта З. Аксельрода

Возил по местечку тележку с пивом
Дедушка мой, торгуя вразнос.
Глядел на мальцов своих глазом тоскливым —
Бумагу марают, читают взасос.
Горькое пиво — пенная грива —
В кусты откатились пробитые бочки...
~~А сын до погибели — это ль не диво? —~~
~~Читал нараспев свои складные строчки.~~

Мой беженец-дед в путь отправился дальний,
Дремал под картузом на лавке вокзальной,
О сыне не знал, лишь в бреду его звал,
Когда прикатил на последний вокзал.

Горькое пиво — белая грива —
Остался он в строчке несуетливой
Да на портрете у сына другого.
Переселился в рисунок и слово.
С лавки вокзальной — на полку музея —
Деду не снилась такая затея,
Деду не снился такой оборот —
Мазила — один, а другой — рифмоплет.

Громили, куражились — это не диво,
а диво, что сын свои складные строчки
Читал нараспев — и за это в погром
Попал самый чёрный — и жизнь кверху дном.

ЗЕЛЕНЫЕ ДОЛЫ

Март. Распутица. Зеленодольск,—
Значит, рядом зеленые долы.
Мы ступаем на черный ледок
У порога не дома, не школы,
А того, что зовут и н т е р н а т,—
Он так рад нам, он каждому рад...
Нам выносят навстречу хлеб-соль,
Нам выносят с улыбками боль,
О которой мы знать не должны,—
Мы же гости.
                    Мы с той стороны,
Где не двадцать кроватей подряд,
Где не двадцать печатей подряд
На казенном белье, на подушках,
На одежде, игрушках и кружках...

Нас доставили их развлекать.
Приласкать бы — нет, руку отдерни —
Вдруг кому-то припомнится мать,—
Вот девчушка — глядит все упорней.
И сосед ее не усидит,
Так взволнован, так тянется взглядом...
Воспитатель ревниво следит
За порядком, за грустным парадом...

Мы выходим гурьбой из дверей,
Пригорюнилась бабка в сторонке —

Ей послышался крик матерей —
Шли когда-то сюда похоронки...
Смотрит старая долго нам вслед,
Дети к стеклам носами прильнули...
И солдата скульптурный портрет
Возле дома застыл в карауле.

* * *

Язык французский... Не у гувернера,
А в школе близ Тишинки разбитной,
Где я дружила с Клавой, у которой
Отец не возвратился той весной...

Прославленная в классе балерина,
На школьных церемонных вечерах
Я замирала в платье из сатина,
Коль шел ко мне мальчишка-вертопрах.

Ну чем, скажите, не аристократка?
Чулки в резинку, вальс, па-де-труа,
Смущенье — и счастливый взгляд украдкой,
Потом дневник и слезы до утра.

Тщедушный палисадничек зеленый,
Что окна от прохожих прикрывал,
Напоминал наследных парков кроны
И к ним, далеким, робко призывал.

Не оттого ль теперь, через десятки
И зим, и лет, и радостей, и бед,
Я каждый год, собрав свои тетрадки,
Спешу туда, в апрельский тихий свет,

Где над оврагом ели да осины
И у пруда зеленая скамья,
Щемящий запах мокрой древесины
И в поле затерявшаяся я.

ДВОР НА БАРРИКАДНОЙ

Памяти отца

1

Через белую скакалку
Я скачу, скачу, скачу.
Черных тапочек не жалко,
Скину их и улечу.

Брошу двор на Баррикадной,
Брошу надоевший класс,
В чадной кухне крик надсадный,
Неусыпный бабкин глаз...

Петли вьет моя веревка,
В городской пыли свистит.
А на тапочках шнуровка
Размоталась и висит...

Спотыкаюсь, ушибаюсь,
А подружки хохотать...
В три погибели сгибаюсь
И домой иду мечтать,

Чтоб подружки не дразнили,
Чтобы стать для них своей...
Много ль годы изменили?
Что нашла в мельканье дней?

...Новый двор. Гляжу украдкой,
Как скакалка петли вьет.
Годы, годы... Три десятка...
Что прыгуний *этих* ждет?

2

Обои потемневшие —
И Жанна Самари:
Сама на стенку вешаю —
Хоть целый день смотри!

Хромая этажерка
Рогами в потолок.
За стенкой кутит Верка,
На стенке мой Ван Гог.

Ах, «Красный виноградник»
И голубой Дега!
В каморке нашей праздник,
Хоть в пол-окна снега.

За стенкой пляс разлапый,
Дом ходит ходуном...
А мы листаем с папой
Любимый наш альбом.

Что в памяти хранится?
И свет, и грусть, и чад...
И все отец мне снится
Который год подряд...

3

Мать и отец мой жили в подземелье:
Где дом стоял наш, там теперь метро.
Но зренье сохранить они посмели —
Взлетала кисть, печалилось перо.

Вы возразите: было два окошка,
И значит, дом стоял не под землей.
По воскресеньям жарилась картошка,
Сосед был хоть запойный, да не злой.

И два кола — ну чем не две колонны? —
Просевший подпирали потолок.
Вполне доступен был вихор зеленый
Земли московской, влезшей на порог...

Но в дом подземные врывались гулы —
Отцовской новой жизни голоса...
И воскресают желтые аулы
И розового Крыма небеса,

Когда искусства худенькие жрицы
Спешат к нам на подземных поездах,
Чтоб легкими руками в папках рыться,
Благоговейно путаясь в годах.

И в дом другой, где мама сберегает
Из подземелья извлеченный свет,
Упрямо проникает жизнь другая...
Есть радость и беда, а смерти нет.

* * *

Господь, помилуй и прошу

~~Судьба моя, тебя молю~~ — не оставляй меня одну,
Не забирай, кого люблю, не дай утратить дар любви.
Покуда я могу дышать, оставь мне хоть одну струну —
Струну любви и доброты, а остальные все порви.

Господь, прошу и

~~Земля моя, мне~~ помоги — пусть не иссякнет доброта
Поодаль, рядом и во мне. Не ставь во грех мою корысть —
Мне к миру нежность подари, что так трудна и так проста,
Я помню, как в руке отца в предсмертный час
дышала кисть...

Мне есть в кого счастливой быть.

Дай силы мне, Господь
И ясность красок перенять
и линий чистоту
Позволь любить и горевать
но усмиряя плоть
Не дай утратить веру в свет
живя не на свету.

* * *

Тапер упорствовал.
Метались фалды фрака,
Заношенного, словно разбитные
Коленца, что выкидывал послушно
Рояль как бы в предсмертной лихорадке,—
И тени, непрозрачные, сплошные,—
Двойняшки-клочья пляшущего мрака
Полосовали стены, точно в прятки
Играло время в заведенье душном.

И я была той темноты клочком,
И ты был тенью, ты был двойником
Моим ли или тени той, другой,
Еще не стершейся — подать рукой,
Хоть время давнее... Но разве не едины
Все времена? Вот я схожу с картины
Ива́нова, а может быть, Ватто,
А то и Сурикова — верьте иль не верьте,—
Вокруг меня кудрявые куртины,
В санях меня везут навстречу смерти —
И некто в шляпе, в драповом пальто
Меня уводит из дому... Куда же?
Провалы в памяти чернее сажи.

Воспоминанья, сон, мелькание экрана,
Страницы позабытого романа,
Театр... Автобус... Бешенство акаций
С полынной горечью спешит смешаться —
Пережила, увидела, прочла —

Все мне принадлежит, и ничего лишаться
Охоты нет — и этого стола,
На край которого уже легла
Тень сумерек, а сумерки лиловы,
Сквозь них бредут бокастые коровы,
Поскольку за холмами скрылся зной
По воле мастеров французской школы.
На золотые, завитые долы
Спустился вечер... Но тапер ночной,
Откинув молью траченные полы,
По клавишам дубасит, как шальной.

КОКЧЕТАВ

Сыну

То ль за стеной вода, то ль радио журчит —
Пытаюсь уловить, три такта сосчитав.
И вот одно словцо настойчиво звучит,
Далекий кочет кличет: «Кок-че-тав!»

К чему пророчеством тревожить слух?
Другой напев мне ближе до поры.
Но не напрасно прокричал петух —
Лечу к подножью голубой горы.

Гора? Да полно! Ишачок-сугроб
Под свист спесивых мартовских бичей
Глядит на трехэтажный небоскреб,
Над ними ветер в тридцать этажей.

В окно гостиничное полдень бьет,
И я смотрю, не отрывая глаз,
На почерневший изнуренный лед —
Зимы оскудевающий запас.

Прикрою дверь, пройду по этажу —
Ни одного знакомого лица.
На улицу несмело выхожу:
Поземка — отчуждения пыльца.

Командировочные тридцать дней —
Я новую вселенную творю.
Земля теплее, лица все ясней,
Я в них все с большей жадностью смотрю.

Давно за окнами клубится ночь,
А в номере клубятся дым и гам.
Я свой сумбур стараюсь превозмочь,
Чужую жизнь читая по слогам.

Пусть улицы еще как близнецы
И различить дома — немыслим труд,
Кварталов одинаковых жильцы
Не одинаково во мне живут.

Степные ветры уняла весна,
Схватившись с их раскосою гурьбой.
Горбатый ишачок, смахнув остатки сна,
Впрямь обернулся сопкой голубой.

ПИСЬМО ИЗ МАЛЕЕВКИ

Вновь щеголь май, сорвав сырой чехол,
Давай менять наряды трижды в сутки.
Того гляди — наступишь на подол,
Где бисером трава и незабудки.

Взмахнет черемуховым рукавом,
Обуется в сурепки желтый лепет.
Украсившись еловым колпаком,
Бубенчики пунцовые нацепит.

Твержу себе: уже недолго ждать,
Гляди, дыши, покуда чувства живы,
Вбери строкою эту благодать,
Не упусти — счастливей нет поживы.

Твой май, сынок, отсюда в тыщах верст,
И мне не угадать его палитры.
К тебе, к нему прокладываю мост,
Нагромождаю дней пудовых плиты.

Не в силах помириться с красотой,
От глаз твоих закрытой и далекой,
Я в май спешу, не нами обжитой,
Сбежавший вниз по сопке крутобокой.

У КАРТИНЫ РЕПИНА

Небо расчерчено наискосок —
Каждый несет свой крест.
Давят друг друга, сбивают с ног,
В обход норовят, в объезд —

Только бы жажду унять, утолить,
Чтобы, закончив путь,
Где-то со вздохом свой крест свалить
И в изголовье воткнуть.

* * *

Огромный дом. Огромный город. Огромная страна.
Лишь ветка шелестит в окне. Лишь глухо шаркнет шина.
Лишь на обоях всплески, зыбь. Колеблется стена,
Подхваченная вкрадчивой ночною паутиной.

И я покачиваюсь в ней в предощущенье сна.
Все глубже погружаюсь в ночь, в ее гамак огромный.
Один — затерян в ней мой сын. В ней мать моя — одна.
Что брезжит, что мерещится им в этой сети темной?

Их сны, их явь вобрать в себя мне сила не дана.
Ночь перевоплотится в день. А мне все быть собою.
Мне только всплеск. Мне только зыбь. Мне не коснуться дна.
А кто-то бродит за окном и дышит за стеною...

АВТОМАТ

Сколько раз наугад,
Сколько раз невпопад
Я звоню в Кишинев,
Я звоню в Ленинград.
Наконец-то:
— Привет!
Ты здоров?
— Я здоров! —
Много надо ли слов?
— Все в порядке? Пока! —
И щелчок, и отбой.
Застывает рука
С трубкой, снова пустой.
И молчит Кишинев,
И молчит Ленинград.
Мне известно: не ты —
Автомат виноват.
Но о чем-то с тобой
Мы забыли опять.
Но о чем же — постой! —
Мы забыли сказать?
Десять цифр набрала:
— Как живешь? Как дела?
— Все нормально.—
Отбой.
Что ж слова так секут?
Не хватает секунд,
А сказать бы всего,
Отдаляя отбой:
— Все в порядке. Я жду.
Я с тобой. Я с тобой...

* * *

Станция Отдых.
Меж сосен гамак —
Благополучья семейного флаг.
Зыбкого дачного крова основа —
Нянька, что помнит еще Милюкова.
Мама счастливая. Папа мой жив.
Тяжесть душистая зреющих слив.
Маленький сын запускает волчок,
Пятый, десятый, двадцатый виток —
Вот замедляет круженье юла:
Что я утратила? Что обрела?
(Парная рифма для четкости взгляда.)
Где-то в сплетеньях хозяйского сада
Я потеряла тебя. Вижу всех,
Слышу шаги наши, говор и смех:
Я и родители, нянька и сын —
Где же ты? Где пропадаешь один?
Силюсь тебя отыскать напоследок
В доме, в толпе и в сумятице веток.
Может, снять дачу, повесить гамак?..
Что ж ты смеешься невесело так?

* * *

Взаимность — что это такое?
Наверно, получить взаймы.
Ты взял одно, вернул другое,
Но вовсе не сквитались мы.

Покой вернул, а взял смятенье,
Вернул ответ, а взял вопрос.
Дал свет и отнял полутени,
И нежность из дому унес.

И отнял вздох — и дал безмолвье,
Суровую надежность стен,
И общее дал изголовье,
И невозможность перемен.

ЗИМНИЙ СОНЕТ

Ни проблеска недавней пестроты,
И глухота поселком завладела.
Проулки обновленные пусты,
Сорока снег долбит на ветке белой.

Под зимним грузом горбятся кусты.
Замолкло все, что пело и звенело.
К тебе среди вселенской глухоты
Пробьюсь ли по тропе заиндевелой?

Похолодало. Я опять одна.
И никому к душе не прикоснуться,
Слепит и оглушает белизна.

Услышь хоть что-нибудь! Не на года —
Дай хоть на миг от глухоты очнуться,
Движенье уловить под глыбой льда.

В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Всего достоянья — четыре стены.
Но сколько лиц в четырех стенах!
Мы бескорыстны, шумны, голодны,
Ночь напролет — о стихах!

Спит на бульваре пустынный пруд,
Красные рыбки по ширме плывут,
За ширмой мой мальчик спит...
Кофе густой по стаканам разлит.
Твои глаза меня стерегут,
Взгляд мой бесстрашно открыт...

Кофе глотаю сама с собой,
Стены считаю в квартире немой,
Снова глаза мне заменит слух,
Трубку сниму — и захватит дух —
Где же он — голос твой?..

Мальчик мой вырос,
                твой взгляд потух.

* * *

Я столько жизней прожила —
Не сосчитать.
И ни одну б не отдала
За тишь да гладь.

Но отдала б все до одной
За эту тишь,
За рощу с прелой желтизной,
Где ты со мной молчишь.

Все до одной бы отдала
За эту гладь,
Где два некрашеных весла
И ты — рукой подать.

О нет! Спасти бы, сохранить
Все до одной,
Чтоб тишь да гладь не обронить,
Молчать с тобой!

* * *

Голоса пропадают в пространстве.
Ты зовешь, но не слышу я зова.
Я к другому взываю: «Останься!» —
Он в свою глухоту закован.

Голоса, и улыбки, и взгляды
Так беспомощны, так летучи...
И без ропота, без досады
Я ловлю неуживчивый случай.

Все зову я кого-то чужого,
А со мною мой друг одинокий.
На скрещении зова и зова —
Самый близкий, самый далекий.

* * *

Засыпать под свист соловья
Мне, взращенной столичным ревом!
Мне — беспечная нежность твоя
Под живым бесконечным кровом!

Мне — считать и не сосчитать
Сердобольной кукушки посулы,
Одуванчики в строчки вплетать,
Не впуская привычные гулы.

В переменчивом ритме дождя
Мне — ловить ободрения ноты:
Быть собой, от себя отойдя,
Перепутав паденья и взлеты...

Мне — вдыхать сирень в тишине,
В стороне от вседневных аварий!

Но зачем он мерещится мне —
Отрезвляющий запах гари?..

НА МЫСЕ ПИЦУНДА

Еле подвижными крыльями ангелов,
Легкими крыльями ангелят
В небе меж крышами распростертые
Белые простыни,
Белые простыни,
Белые наволочки висят.

Дородных хозяек не гонят из рая,
Видать, потому, что стирают, стирают,
Стирают небесное это белье,
Считают, и множат, и делят жилье.
И мы с тобой в этакой райской клетушке,
Где нас белоснежные ждут раскладушки
И море всю ночь сладострастно стенает —
Недаром же днем нас белье осеняет,—
А за раскладушками — сосны над морем,
На солнце лежим, с медициною спорим,
И в райских харчевнях
Меж смуглых наяд
Грызем истекающих жиром цыплят.

Но небо разверзлось, и ангелов смыло,
Наемная клетка сжимала, томила,
И ливень наотмашь хлестал нас кнутом —
Друг к другу притиснуты утлым жильем,
Озвученным магнитофоном хозяйским
И пением адовым — если бы райским! —

Мы поняли вдруг, что в ковчеге одном
Мы к берегу вряд ли с тобой доплывем,
Что ангелы ленятся нас осенять,
Как ленится наша хозяйка стирать,
Что нам предстоит и отсюда изгнанье...

А море, а сосны, а воли дыханье?..

* * *

Ф. Я.

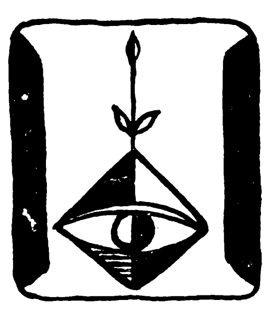
Когда почувствуем сквозь тротуар
Всю мощь земного притяженья
И каждый шаг свой ощутим, как дар,
Знак высшей милости — в простом движенье;

Когда о руку обопрусь твою,
В которой сила, как в моей, истает,
И отрезвления слезу пролью,
И памятью всю жизнь перелистаю;

Когда замедлит бег веретено
И оборвется, истончится пряжа,
И взглянем мы на бледное рядно,
Где углем черным каждая пропажа;

Когда отринем все, что не сбылось,—
Все, что свершилось, станет драгоценно,
Все распрямим, что шло и вкривь, и вкось,
Придет строка — так будет сокровенна.

Осядет все случайное на дно,
Все то, что подлинно, взойдет высо́ко...
Коль будет это счастье нам дано,
Коль нас земля не позовет до срока.



И была я одной из веток...

* * *

Здесь красным глазом из-за черных спин
Иззябнувший закат следит за мною,
Цепляясь за соломинки осин,
Дух испуская за резной стеною.

Я взгляда от него не отвожу,
Не сторонюсь пронзающего взора,
И за грачами тихими слежу,
Что крыльями сметают снег с забора;

И в холод кутаюсь, и снег ловлю
Сведенными, иссохшими губами,
И оборачиваюсь к февралю,
Где в суматохе сталкивались лбами

Снежинки над землей и люди на земле
И под землею — в каменном туннеле.
Где вороха бумаги на столе
От неприкосновений пожелтели.

В ПАРКЕ

Я завидую стройности этой,
Прямизне этих четких стволов.
Не коснись, разрушения мета,
Тех, кто так непреложно здоров!

Вижу гибкие переплетенья
Рядом с гиблой сухоткой ветвей.
Пряный дух терпеливого тленья
С каждым годом слышней и больней.

Неизбежность становится явной,
Лишь свернешь в непроезжий квартал.
Дух бензиновый — спутник мой давний —
Так спасительно грудь пропитал!

Повседневность щадит городская
От прорыва в безмерность и суть...
Так зачем эта елка нагая
Преграждает бездумный мой путь?

* * *

Ветка качалась, качалась, качалась
И от соседок своих отличалась
Тем, что качалась вместе с гнездом,
Тем, что заботиться было о ком
И не к себе ее мучила жалость...
Страхом она и отвагой держалась,
Так как страшилась не за себя.
Ветер грозил ей, надрывно трубя,
Гнул и ломал он послушных соседок,
Ветка качалась без дружеских веток —
Только упрямство, надежда на чудо —
Ни от кого, ни за чем, ниоткуда.

ЛОДКА НА СНЕГУ

Снег истончается
на берегу.
Лодка качается
на снегу.
Мимо бегу,
мимо бегу,
граней скользящих
не устерегу.

Снег зеленеет,
листвой становясь.
Пруд леденеет,
и хрупкая связь
между моею землею и мной
теплится коркою слюдяной.

Мартовский снег задеваю веслом,
памятью робкой петляю в былом.
Вечность и прах
зачерпну второпях.
Путаюсь веслами в облаках.

ВЕЧЕР В ПРИГОРОДЕ

Пока луна вершила восхожденье
К вершине по сквозным, цветным отрогам,
За ними прячась будто ненароком,
До времени тая свое рожденье,
И лишь посверкивала круглым боком —
Я все стояла, голову задрав.
Когда ж гора за лесом обвалилась
И откровенно в небе оголилась
Луна со всею полнотою прав —
Забылась прочих вечеров немилость,
Промозглый мрак дождей — и я хватилась
И по дороге, тронутой луной,
Пошла назад, навстречу голосам.
Закончился сеанс, и фильм цветной,
Как видно, подчинил своим страстям
Идущих мне навстречу из кино,
И многие твердили: «Как темно!
Как холодно!» — друг друга заглушая...

Луна светила — тихая, большая.

* * *

А может, вправду время
И бережет, и лечит,
И снадобьями всеми
Мне распрямляет плечи...

Как мне помочь желает
Мой эскулап лукавый!
Свиданье посылает
Мне с детскою оравой.

И вправду боль утихнет,
Когда в глазах ребячьих
Мой стих, как прежде, вспыхнет
Мгновенною отдачей.

В толпу прохожих влиться,
В поток автомобильный...
О снежная больница,
Зимы халат стерильный!

Броней листвы оденет,
И обласкает лето,
И города гуденье
Улыбкою согрето.

* * *

Не надо искать виноватых.
Неправеден суд торопливый.
Взгляните, как витиеваты
Сплетенья ветвей, переливы,—
Хоть связаны общим движеньем,
Одной скреплены сердцевиной,
Но собственным сердцебиеньем
Больны. И родня неповинна,
Что рядом кривой, худосочный
Сучок, надломясь, повисает,—
Наземные связи непрочны,
И суд никого не спасает,
И дышит по-своему каждый,
За ствол и за воздух цепляясь,
И чахнет от собственной жажды,
Подобьями не утоляясь.

ПОДМОСКОВНЫЙ РОМАНС

К нему приехала жена,
И сразу ясно стало,
Что стар он так же, как она,
Что поздно жить сначала.

Глаза умерили свой блеск,
И речи потускнели...
Он молча шел с ней слушать плеск
Пруда в рябом апреле.

Жизнь проступала, как вода
Из-под непрочной корки...
Была война, была беда,
Известность и задворки.

Был путь изменчивый, рябой,
Уступки и решимость.
И было это все судьбой —
И стыд, и одержимость.

Крошилась жизнь, крошился лед,
Сжигали листья где-то...
Кольнула мысль, что в этот год
Не дотянуть до лета.

Жена уехала в обед —
И возраста не стало,
Надел вельветовый жилет,
Сложил для милых дам куплет —

И начал жить сначала.

* * *

Под мертвой прошлогоднею листвой
Чего ты ищешь, галка-горемыка?
Как призрачно в апреле под Москвой,
Уйми озноб — о чем так много крика?
И не кичись, что ветвь, как ты, черна,
Не вздумай с ней тягаться чернотою —
Она от солнца близкого хмельна,
Ей скоро зеленеть, а нам с тобою
Все оставаться в черном опереньe
(Хоть щегольнуть не прочь мы серебром),
Уверовать, что наш удел — смиренье,
И черненьким поскрипывать пером,
Отыскивая под сухой листвой
И в летней суете — даст бог, дождемся —
Свой корм, свое призванье, свой покой,
И — не кричи же! — может, обойдемся...

* * *

Откуда застывшие эти фигуры
На одиноком шоссе?
Зачем на проезжей стоят полосе,
Чего они ждут терпеливо и хмуро,
Куда им — хотя б на одном колесе?

Куда они — серые эти фигуры?
Зачем в полный кузов швыряют мешки?
Куда мы с тобой вдоль апрельской реки,
Еще не проспавшейся, сумрачной, бурой?..
Теснят нас к обочине грузовики.

Чем дальше, тем горше от неузнаванья,
Чем дальше, тем взгляд безучастный стыдней.
Пожалуйста, жми тормоза посильней,
Теперь нам с тобой не нужны расстоянья,
Помедлить пора до скончания дней.

На белом пасхальном заснеженном блюде
Деревья стоят в обнаженной красе...
Но лучше забыть обещания все,
Но лучше забыть клокотанье прелюдий...
Откуда они — одинокие люди
На одиноком шоссе?

* * *

Апрельские причуды,
Незваный снегопад.
И ты — невесть откуда —
Не муж, не друг, не брат.

Минутна откровенность —
Минутой дорожу.
Ах, временность, мгновенность,
Опять я вам служу.

Струится снег весенний
И голову кружит.
Не зная опасений,
На тополях лежит.

Лежит и вниз не смотрит,
Где гибнет белизна,
Где в свежих лужах мокнет
Земля черным-черна.

КАЛУГА

Калуга, Калуга, Калуга —
На стыках вагон дребезжит.
Беда ли, вина ли, заслуга,
Кто нажит в пути, кто изжит,
Нашла, потеряла ли друга —
Еще не гадаю. Калуга
За дальней верстою лежит.

Пять весен с последнего взора,
Потом не сказать, не взглянуть...
Калуга... Пройти вдоль забора,
В глухой переулок свернуть...
Все верно. Вот кран, вон контора.
Как скоро! Не слишком ли скоро?
Лишь дверь остается толкнуть.

...И новых пять лет с того мига.
Живем в километре одном.
Но он мне — закрытая книга.
А я ему — дверь под замком.
Надолго ль?.. Распутай поди-ка,
Зачем так диковинно, дико,
Так розно и разно живем.

* * *

Неужто дню так больно умирать?
Суровые стволы кровоточат.
Густою охрой выжженная прядь
Повисла меж ветвей, приняв закат.

Вся плоть небесная изнемогла,
Сгорает и течет в небытие...
А по земле уже сочится мгла,
И тень ложится на лицо твое.

ВОСКРЕСЕНЬЕ В МАЕ

Мальчик бегал по траве весенней,
Самой простодушной, самой смелой...
А вокруг гуляло воскресенье,
Воскресенье пило и гремело.
С аппетитом свежий май вкушало,
Било оглушительно баклуши,
Воскресение не воскрешало,
Только лезло и в глаза и в уши.
Мальчуган за ежиком крадется,
Ликованья взрослых сторонится —
Что еще увидеть доведется?..
Спрятаться покамест, схорониться!
Ничего не знать об этом лесе,
Вздрагивать и замирать счастливо...
Как трава поспешно кверху лезет!
Час косьбы подходит торопливо.

* * *

А может, дольше нас живут деревья
Лишь потому, что зависть их не мучит,—
Кто в дебри врос, тех не влекут кочевья,
Не гложет чья-то солнечная участь;

А может, дольше нас живут деревья
Лишь потому, что их тоска не мучит,—
Забыты сброшенной листвы отрепья,
Отринуты обломанные сучья;

А может, дольше нас живут деревья
Лишь потому, что их не мучит совесть,—
Предательства и страха опыт древний
И ложь, укоренившаяся в слове.

* * *

Май решил все дожди опрокинуть на нас,
Не оставив ни капли на лето,—
Но с натугой уже, но уже напоказ —
Ну, полсуток еще, ну, еще один час —
И последнюю выплеснет кружку,
И пойдет он гулять без берета,
Стариковского, серого,— и обнажит
В синьке вымытую макушку,
И по лютикам влажным в июнь побежит...
Это будет сегодня, к обеду,
Когда я от него,
сбросив прочь волшебство,
В мой замученный город
уеду.

* * *

Не знаю, кто там прячется в кусте,—
Но куст стрекочет.
Кто новости приносит на хвосте?
Кто лясы точит?

Какие запахи сбивают с ног —
Сирень иль мята?
О чем молчит неузнанный цветок
В траве кудлатой?

Все запахи, все звуки, все цвета
Готовы к лету.
Моя работа только начата,
И знать не хочется, что не к рассвету
Я приближаюсь, а ныряю в ночь...
Напрасно мне стараются помочь
Черемуха, и зяблик, и река —
Уже в пути рассвет,
Который ночь мою сведет на нет,
Который из нее не для меня родится...
О чем же ты, непонятая птица?
Откройся мне, неузнанный цветок!
Продлись, мой срок!

* * *

Я уже засыпаю, уже засыпаю,
Я уже по летящим ступеням ступаю,
Я уже подымаюсь по ним в облака,
Я уже молода, влюблена и легка,
Я пляшу на висячей изменчивой сцене,
Вместо зрителей чьи-то знакомые тени,
Я за ними тянусь, но ступени трещат,
И я падаю, падаю — смута и чад:
То ли печка дымит, то ли память томит,
То ль война, то ль заслонкою мама гремит,
То ли замерший смех, то ль в грядущем беда,
То ль всей тяжестью рушатся в пропасть года...

Но — спасибо! — весенняя ночь коротка,
И уже в тишине высоки облака,
И устойчивой лестницы сонный пролет
Только в утро пока, только в ясность ведет.

В ДОМЕ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ

Как это сталось? Выпали из гнезд,
Сколоченных с их помощью птенцами.
Вверх не взлететь. Шажок — и тот не прост,
Путь в небо — вниз, путь в небо —
под ногами.

Клюют подолгу жесткое зерно,
Прошедшее перебирают вместе.
А на уме одно, всегда одно —
Из милых гнезд ощипанные вести.

Летали стаей — стайкою бредут,
Любой рассвет им достается с бою.
А ночью — врозь — вершат последний суд
Кто — над гнездом, кто — над самим собою.

НА ПОЛУСТАНКЕ

Полустанок. К дороге лесок наклонен.
Новостройка с другой стороны громоздится.
Бьется в листьях закат, словно рыжая птица,
И сквозь нас, сквозь меня, сквозь осипший вагон,
Как в квадраты зеркал, в стекла дома глядится,
Нежилого пока, но уже оглушенного
Поездами, уже ослепленного зноем,
Чуть родившегося — и дыханья лишенного...
Темноты не дождавшись, над лязгом и воем
Проводами расчерченный месяц плывет...
Поезд дернулся. Небо сгустилось над домом.
Он один, точно перст, под немым окоемом.

Хорошо, что пока в нем никто не живет.

* * *

Я не была ни надменной, ни злою,
Да и не вовсе была равнодушна...
Руки твои пахли свежей смолою,
Я бормотала темно и натужно
Что-то об этой весне запоздалой,
Что-то о встрече, которой не будет,
Хоть и не думала я, не гадала,
Что мои доводы пыл твой остудят...
Ладно, пускай своим каменным боком
Ломится город и в эту аллею...
Ладно, попотчуй берёзовым соком —
Наверняка я опять захмелею.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Кого просить: позвольте хоть на месяц
Остаться мне наедине с рекой
Вглядеться в лица листьев и спокойно
Внять сдержанным речам ольхи и клена,
И посмеяться трескотне скворца,
И оценить отвагу трясогузки —
Вон той, что по тропинке семенит,
Встречая черной грудкой приближенье
Моих, ей не грозящих, каблуков...
Зачем с таким усердием лишать
Меня любви последней, столь невинной?
Как видно, для того, чтоб эта страсть
Жила во мне, покуда я жива,
Свидания так редки, так недолги.
Но знаю, что последняя любовь
Меня за все вознаградит сторицей,
Что о взаимности могу не думать,
Она меня не минет через год
Иль два, а то и три... И отношений
Не надо выяснять. Дожить бы только.

В САДУ

...Я по саду чужому бродила,
Было жутко — шныряли тени.
Но была в отрешенности сила,
Хоть подчас подгибались колени.

Мне казалось — ~~и оторопь~~ угрозу я скину,
Только веток коснусь руками.
Если камень бросят мне в спину,
Это яблоко будет — не камень.

Пусть резвятся шепоты-блики,
Пусть конвой свой удвоят тени —
Ведь не люди же здесь — владыки,
Разве могут предать растенья?

Я наткнулась на листья сухие,
На шуршащий и теплый холмик.
Что ж, дела не такие плохие —
Полежу здесь, прикинусь тихоней.

Задремала я, тени скакали.
Это было уже сновиденье.
Снилось мне, что меня искали,
Что мой лоб придавили каменья...

Но сплетались в сизых просветах
Руки яблонь с руками людскими.
И была я одной из веток,
И носила людское имя.

* * *

Слово толкнулось и замерло,
Будто под сердцем дитя.
Я его переупрямила,
Жизнь подарила шутя.

Знала ли я, каково оно
Будет, явившись на свет?
Туго спеленато, сковано,
Чувства угасшего след...

* * *

Являть себя? О нет, земли явленье,
Явление небес вдыхать, вбирать.
В истоме иль, по-нынешнему, в лени
Бездумно, долго у воды стоять.
Негодовать — на что?
                    Для города оставим.
Пусть птица освистит
                    и обстреляет гром —
Мечты о воздаянье и о славе
Прогоним прочь...
                    Открылся над бугром
Чердачного окна резной кокошник
Меж двух стальных сторожевых антенн...
И мне опять припомнился художник,
Холсты и папки вдоль непрочных стен.
Ступаю на мосток.
                    Пять досок — пальцы
Натруженной, обветренной руки...
В тех стенах мы — скитальцы, постояльцы...
А здесь реки свободные мазки,
Раскованное легкое дыханье,
Когда любой листок — тебе родня,
И киновари сочной полыханье,
Лес высветляющей на склоне дня.

СТАРЫЙ ПОЭТ

Приученный к долгим цезурам,
Он взглядом погасшим и хмурым
Собратьев своих провожал.
А впрочем, он слыл балагуром
И давним, незлым каламбуром
Охотно юнцов потешал.

О нет, не ходил он в смутьянах,
Речей не твердил покаянных,
И профиль был ясен и строг.
И так же, как в строчках чеканных,
Как в бледных предзимних полянах,
В нем вечности был холодок.

Известности поздней прохлада.
Что делать? И это награда.
Пускай прожитое горчит,
Острит он, и публика рада,
И привкус безвредного яда
Ее торжества не мрачит.

ЧУЖИЕ ПИСЬМА

(Над книгой Марии Петровых)

Как будто письма чужие
Читаю тайком всю ночь.
Припала к горькой поживе —
И оторваться невмочь.

В небытие открытый
Скорбный, отважный взгляд.
Черных надгробий плиты,
Серебряный Арарат.

Сознанье неразделенной
Любви ко всем, ко всему,
Страсти неутоленной
К призванию своему.

Не робость, не осторожность —
Себя не привыкла спасать —
Гордая невозможность
Письма чужие писать.

* * *

Когда бы мне осталось только это:
Смотреть в окно с дивана — снизу вверх,
Учиться зиму отличать от лета
По облакам, отдельно ото всех,
Кто за стеклом... И если бы одето
Окошко было старым добрым вязом,
И лишь в его сплетеньях и просветах
Земные краски вспыхивали разом,
Причудливо цвели материки...
Чуть сдвинь подушку — и весны примета:
Возникнут очертания руки,
Зеленой, нежной, непонятно чьей,
Протянутой к скворечнику пустому,—
Лежи, гляди, лекарства молча пей,
А вечером к спасительному тому
Прильни, и жизнью, ставшею твоей,
Живи, лечись — и не тянись к другому...

Я в этом доме изредка бывала.
Его хозяин вглядывался жадно
В окно, где замечала я так мало...
Он говорил: «Мне видеть вас приятно»,—
И детские звенящие стихи
Читал мне о корабликах веселых,
Которые, нарядны и тихи,
Бросают якорь между веток голых
В его окне... А я рвалась куда-то,
И, может, знал он, как я виновата.

ТИТАНЫ ЖИЛИ ОЧЕНЬ ПРОСТО

В. Н. Марковой

1

Все, что во мне не громче шелеста,
Все, что нашептывает май,
Молчунья вещая, отшельница
Сказала будто невзначай.

В ее вселенную открытую
Вхожу и жадно слово пью.
И снова дую в позабытую
Смурную дудочку мою.

2

Титаны жили очень просто —
В убежище для престарелых.
Стеснялись собственного роста
И голосов, чрезмерно смелых.

О чем их тайная беседа?
Так увлеченно, так пространно —
Не про себя, не про соседа,
А про Изольду и Тристана;

Про Данта, Пушкина и Блока,
Про сновиденья и болезни.
А если не спалось — про бога
Простые складывали песни.

* * *

Прекрасно созвучье: искусство и чувство,
Опасно созвучье: стихи и грехи.
Я боль зазываю, не страшно кощунство
Над жизнью своей... Пусть тяжелые мхи
На каждую строчку ложатся надгробьем,
Пусть слово утонет в свинцовом сугробе —
Я все принимаю за то, чтобы снова
И мхи, и сугробы в невечное слово,
В неброский наряд не спеша одевать,
Грехов не бояться, и плакать, и звать
В надежде подспудной, что все отболит,
Коль звук милосердный придет, утолит.

* * *

Я не боюсь пророчеств зодиака,
Не страшен мне надежд тщеславных крах.
Ни света я не устрашусь, ни мрака.
Мне страшен Страх.

Две свахи — Осторожность и Оглядка —
Вдруг под руки услужливо возьмут
И поведут меня по стежке гладкой
В полуглухой, полуслепой уют.

Сосватают — и Страх усадят в кресло
У письменного чинного стола
И, чтобы я вовеки не воскресла,
Обменят стекла все на зеркала.

Но разве лучше ветер? Вон как воет,
И рамы хлопают, и дверь скрипит,
И ель мне в волосы роняет хвою,
И гнутся спины стынущих ракит.

Взмолился о покое бор надменный,
Черты деревьев искажает Страх.
Но что укроет их? Какие стены?
Замки какие на каких дверях?

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Алле Гербер

Осколки музыки на мостовой.
Разбита вдребезги пластинка.
Не воскресить мелодии живой.
Аккорд последний — черная песчинка.

В чужой вселенной, в Лондоне ночном —
И это я была? Да неужели?
Что ж звуки те в сознании моем
И прокрутиться не успели?

В Гайд-парке, днем, на ящик взгромоздясь,
Кому грозит подросток бородатый?
Чужих судеб ненайденная связь...
Лишь в книжке записной глухие даты.

Но вот в окне прохожий промелькнул,
И разве он не так же безвозвратен?
Созвучья «ни-ко-гда» тягучий гул
Мне, словно диск заезженный, понятен.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

В. Я. Виленкину

1

Душа не хочет быть собой,
Другого ищет.
Ведет продымленной тропой
На пепелище,
Где явится ей след слепой
И света взыщет.

Судьба собой не хочет жить,
И не свои черты
Не позволяют глаз смежить,
Зовут из темноты.

Не знает собственных потерь
И собственных побед —
В забитую стучится дверь
И оживляет след.

2

Я взбиралась сама на ступени,
Оступаясь на каждой из них.
Не слыхала благословений
От наставников дорогих.

Издалёка благоговела,
Робких глаз поднять не могла...
Померещилось в слове Дело,
И другие забыла дела.

Оступалась — да не отступиться,
Не сыскать уже дел других...
Но открыли навстречу мне лица
Вы, кому доверяли Стих

Мной не встреченные, которым
Поклонилась бы в пояс я,
Чьим бы взором, потворством, укором
Осветилась моя колея.

* * *

На поле бранном тишина...

В. А. Жуковский

Когда валит орда,
Вслепую, напролом,
И Страшного суда
Накатывает гром —

Вспорхни на свой шесток
И — тихо, ни гугу.
Несется вскачь поток,
А ты на берегу.

Ты сух и невредим,
И есть пока пшено.
Что за шестком твоим —
Не все ль тебе равно?

Но вдруг Мамая рать
Тебя собьет копьем —
Успеешь ли понять,
Что не взмахнул крылом?

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Как берегли его друзья,
Моля не быть собой,
Дрожать, дыханье затая,
Над каждой запятой.

Охальничая и смеясь,
Взыскуя и любя —
Как он берег с друзьями связь,
Как не берег себя!

Все держат за руки его,
И сам смириться рад,
Но слово — беса торжество —
Все лезет невпопад.

Москва закрыта до поры,
И навсегда — Париж...
В Тригорском ласковы пиры,
Да разве усидишь?

И жажда воли так горька,
А путы так прочны,
Что дышит гибелью строка
И годы сочтены.

КЮХЛЯ

Всю жизнь с охранкой в жмурки
Играл один поэт,
Другому лучше — турки,
А третий — пистолет

В висок себе нацелил
И тем подвел итог...
Бегут, бегут недели,
Но не взведен курок.

Покамест от охранки
Хранит всевышний нас,
Зачем от малой ранки
Искать в забвенье лаз?

Тебя забыть успеют,
Ты не забудь пока,
Как вдруг сердца теплеют,
Коль тронет их строка.

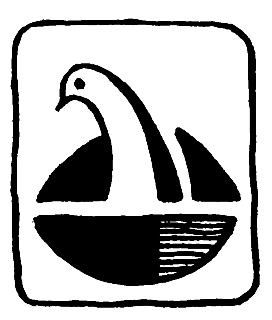
И помни, благодарный,
Как плачешь им в ответ,
Когда в толпе бульварной
Твой пропадает след.

* * *

Нет у ветра вражды к тишине,
Дождь земле прокаленной — не враг.
Тихо в доме и тихо вовне —
Неужели? Да если бы так!

Мысль моя лукавит со мной,
Затянувшийся сон бережет.
Только вслушаться — за стеной
Ураган, гололед, недород!

За спиной тишины — города
Рушит ветер, осатанев.
Сотрясаются провода
Поперек дружелюбных дерев.



Жесткие кроны

* * *

Все ближе подступает, все быстрей
Безмерность, где меня с тобой не будет
И где тебя поутру не разбудит
Неосторожный скрип моих дверей.

Когда б могла я надышаться впрок,
На срок отпущенный взлетев с насеста!
Не посягну на время и на место —
Лишь в памяти оставь мне уголок.

В него не вторгнусь я до той поры,
Пока вдруг не захочешь отогреться.
Всего-то — пристальней в глаза всмотреться
И вспомнить наши робкие пиры.

И на случайный, краткий твой призыв
Я улыбнусь тебе с того порога,
Что был так близок. Постою немного
И тихо скроюсь, двери затворив.

* * *

Нас с тобой связали провода —
Провода без тока,
Те, что мокнут в желтизне пруда,
Те, что перечеркнуты осокой.

Вверх ногами покачнулся лес —
Мутно отраженье.
Примерещился ты мне, исчез.
Пустяки... Одно воображенье.

Снова провода напряжены.
Бьют их токи.
Снова прежние я вижу сны,
Пруд прозрачен, небеса высоки.

БАЛТИКА

1

Красноречивому солнцу осталось последнее слово.
Сказало — и заслонилось широкой дрожащей рукой.
И вправду, красиво — и розово так, и лилово.
Такое смиренье, такой невеселый покой.

Но кажется, море-свидетель еще не предчувствует мрака,
Хотя уже забрано четкой решеткой ветвей.
Кого ограждает та черная сетка, однако?
Как сбивчивы доводы тонущих редких огней!

В изменчивом свете отчетливы две вертикали:
Угрюмый костел и подъемный заносчивый кран.
Немало подобных закатов они повидали,
Хоть храм не равняю я с краном, что юн и багрян.

Им, верно, известно, что их одиночество мнимо,
Как осуждение солнца, что завтра свободно взойдет,
Как заточение моря, чья воля неоспорима,
Как скованность речи, пока созревает восход.

2

Кириллу

Три стены, а четвертая — море,
Заштрихованное сосной.
И шаги не ко мне — в коридоре.
Разговоры вокруг — не со мной.

Разве мало? Толи́ка покою,
Птицы белые, штиль да туман.
Но к руке вдруг прижмется щекою
Пятилетний чужой мальчуган.

Сяду рядом и стану моложе.
Благодарность, и нежность, и грусть.
А ребенок мне песенку сложит
И расскажет стихи наизусть. —

Вот и славно. И время очнулось.
И мудрёных довольно затей.
И не надо к другому тянуться —
Лишь к доверию птиц и детей.

3

В доме отдыха

Едва я лампу погасила,
Как холод побежал по коже,
А за окном заголосило,
Заныло... Что творится, боже!

С каким азартом кто-то чавкал,
Жуя перила и карнизы!
Зашлась котом весенним чайка,
Хрипя, ей вторила овчарка —
Стонало, выло сверху, снизу.

Кто с валидолом, кто с уколом,
Не спали девять этажей —
Кто с женами, кто без мужей —
Дрожали перед произволом
В постели временной своей.

Все то, что ряской затянула
Размеренная повседневность,
Бесчинство моря всколыхнуло —
Обиду, зависть, горечь, ревность.

В той куролесице и реве,
Усильем унимая дрожь,
Пыталась я укрыться в слове
И отличить от правды ложь.

Воображеньем пробежала
Квадратных комнат темный ряд.
Все лица ночь преображала,
Но море на педали жало,
Меня загнав в глухой квадрат.

И так до самого рассвета...
Но, зная правила игры,
Все были к завтраку бодры.
Единственная ночи мета —
В подглазьях синие бугры...

Трудясь над утренней котлетой,
Все отдыхали до поры.

4

Я-то в дом забиваюсь, а им каково!
Как их треплет и ночью, и днем!
Но у сосен такое, видать, естество,
Что им ветер и дождь нипочем.

Так жестка эта хвоя и ствол так шершав
И на прочность проверен в веках,
Чтоб тяжелое небо держать, распластав
На кривых узловатых руках.

Чайка, бабочка, я — мы для сосен равны,
Им о нас хлопотать недосуг.
Им нет дела, зачем мы на свет рождены
И каков нам назначенный круг...

Не дано им, и сладким, и долгим, понять
Почему время прочь от корней
И за право и небо, и землю менять
Платим краткою жизнью своей.

5

Старушка и птицы

Старушка скликала чаек в лесу:
— Чаю, чаю! — кричала.— Вам хлебца несу! —
А ей отвечали вороны: — Кар-р!
Прекр-р-расный хар-р-ч! Дар-р-ровой товар-р! —
Старушка сидела на черном пеньке,
Горбушку зажав в невесомой руке.
Ждала она птиц, белокрылых и юных,
А темень сгущалась, и в клювах чугунных
Добычу стремглав уносили вороны
На изнуренные ветром кроны.

И слух уж не тот у старушки, и зренье.
Воздушное, белое оперенье
Щербатой гребенкой пригладив слегка,
Довольна, брела с посошком из леска
В свое небогатое хлебом жилье.

А следом, горланя, неслось воронье.

6

Я скованна и неуместна
В безудержности морской.
Не лучше ль дорогой железной
Пойти постоять над рекой?

Пусть сверху тревогой забытой
Дохнут невзначай поезда —
Здесь насыпь мне будет защитой,
Утешит, пригреет вода.

Увижу — скучают лебедки,
Покуда безмолвствует порт,
Увижу затопленной лодки
Зеленый, кренящийся борт.

Кувшинки желты, как цыплята,
На красных шестках-островках,
И первый удильщик завзятый
Привычно застыл на мостках.

И все здесь как в детстве, как дома,
И душу тихонько щемит.
Пора! Радиола с парома
Зовущие песни гремит.

И я отступаю послушно
Туда, где жестокий простор
Вершит надо мной равнодушно
Свой шумный, свой чуждый надзор.

Видать, тишина и смиренье
Написаны мне на роду.
Подробней и пристальней зренье,
Когда берега на виду.

Чуть в сторону — сразу расплата.
Как зябко... Как близко беда!
А если навек — без возврата,
А если вперед — навсегда?!

7

И снова вздох чужой покажется своим,
Чужая жизнь твоей оборотится.
Лишь тем и держимся, на том стоим —
И за соломинку так сладко ухватиться.

Защелкнутся силки, едва пристрастный взгляд
Тебя в толпе отыщет ненароком.
И вновь — глаза в глаза, и не свернешь назад
К тем мудрым, к тем бессмысленным урокам.

Ирония судьбы — лишь ею мы живем,
Так будем же смешны, так будем старомодны!
Кивок, намек, пустяк доверьем назовем,
И в новых путах мы опять свободны.

В легчайшей из бесед судьба мелькнет,
И вновь благословим внезапное соседство...
Лишь слуху доверять и петь, не зная нот,
Забыв, что грамоте учёны с малолетства.

ЭТА ВЕСНА

Холодное солнце сквозь ватные своды.
Твой профиль размыт, я в поступках вольна.
Покой и печаль пустоты и свободы —
Такой мне запомнится эта весна.

Любви уходящей глухая враждебность
И дождь беспросветный по снежной броне.
Разлуки целебность, молчанья целебность —
Таким этот месяц запомнится мне.

Беду приняла. Что посулы да слухи!
Нестрашен мороз, неопасна метель.
Снега почернели, глаза мои сухи —
Таким мне запомнится этот апрель.

Предчувствие встречи, предчувствие краха,
Дробь ливня, стук сердца и ночи без сна.
И вот она — встреча, и вот она — плаха.
Так вот какова она — эта весна.

* * *

И все же к тебе я лицом припала,
А ты был смущен и немного растроган,
Как девочку, по волосам меня гладил,
И щек моих мокрых касался губами,
И урезонивал неуклюже,
Обескураженно и виновато,
Хотя ты виновен был только в том,
Что встретились мы ненароком.
А я у тебя просила прощенья,
А я, захлебываясь, твердила,
Что минет и это, все будет как прежде,
Просила нелепые эти признанья
И стыдные, детские эти слезы
Забыть поскорее и снова впервые,
И снова в последний, единственный раз
Тебя обнимала все горше, счастливей...

И так это было невыносимо,
Так живо было и больно,
Что я не выдержала, проснулась,
Оторвалась от сырой подушки
И поняла, что другого не нужно:
В плечо твое однажды уткнуться,
Однажды прижаться к тебе губами —
И можно не просыпаться.

* * *

Ты мучился, думал, рядил и гадал,
Надумал, решился, свободу мне дал:
Свободу ты дал мне холодную,
Ненужную, безысходную.

Так русло свободно, расставшись с водой,
Земля, что простилась с травой молодой...
Любимый, пусть будет тебе незнакома
Свобода навек опустевшего дома.

* * *

Мосты разведены —
нам не соединиться.
Огни ночных судов
проплыли вереницей.
Что руки простирать
над черной немотой?
Я отступлю туда,
где встретимся с тобой,
Туда, где все равны,
где нам соединиться
Не могут помешать
ни гаснущие лица,
Ни шумный вздох воды,
ни фонарей зарницы...

Я отступлю туда,
где встретимся с тобой.

* * *

В пещеру меж кленом и липой
Войду — от дождя схоронюсь.
Вот так бы до смертного хрипа,
Когда я с тобой породнюсь.

В пещере под липой и кленом
Укрыться вдвоем навсегда —
Какая отрада влюбленным,
Да тем, кто остался,— беда.

Я им про пещеру ни слова,
Про то, как зовет меня тьма.
На дождь из-под черного крова,
На свет выбираюсь сама.

ЯЛТА. 1979

1

Я не хотела приезжать сюда.
Казалось, память с головою захлестнет,
Как соль морская. Этих темных вод,
Казалось, не увижу никогда.
Вот странность — ровно через десять лет
Я здесь проездом. В грузные суда
Все так же суматошный порт одет,
Лишь тот корабль, что белым был тогда,
Теперь чернел, цепляясь за причал,
О чем-то, надрываясь, мне кричал,
Как будто требовал меня к ответу
За то, что нет тебя. Случайный спутник мой
Шутил, протягивая мне конфету,
И над курортной алчущей толпой
Автобус звал меня нетерпеливо.
А с дальнего холма смотрел ревниво
Тот куст миндальный, что десятый год,
Десятую весну без нас цветет.
Я больше ничего не узнавала.
Пыхтел автобус, и волна вставала
И отставала. И совсем чужой
Клубился город за моей спиной.

2

Как беззаботно мы тогда смеялись
И ничего на свете не боялись —
Ни времени, ни боли, ни измены,
От непомерной власти чуть надменны.
Мы знали: море служит нам одним,
Штормит, едва развлечься захотим,
Нас обдает улыбчивым теплом,
Когда мы вдруг соскучимся о нем.
Из автоматов юное вино
Струилось, как лоза, легко, красно;
Смеялись мы на улочках кривых,
И город с нами ласков был и тих,
Смеялся с нами, будто по заказу,
На то, что впереди, не намекнув ни разу,
Как он спешил обнять нас, обогреть...

Смеяться так не дóлжно было сметь.

ПЕСЕНКА

Где-то рассвет для двоих встает,
Нежность не оскудела.
Тем, кто до нóчи ждет у ворот,
Нету до этого дела.

Грозные ливни пылают в ночах,
И не бывать рассвету.
Тем, кто купается в синих лучах,
Дела до этого нету.

Заступа стук, лопаты шлепок,
Черное одеяло.
Тем, кто зарылся в пляжный песок,
Дела до этого мало.

* * *

Самолюбивые мечты:
Уйти и не вернуться.
Контрасты декабря просты:
Бела земля, черны кусты,
Бежать, бежать от суеты
И белизны коснуться.

Зарыться бы в нее навек,
Укрыться белизною,
Пусть никогда не тает снег,
Давно ушедший человек
Его послал за мною.

Я ухожу, но что же мне
Нельзя ступить и шагу:
Зажегся свет в твоем окне,
Скользит он по моей спине,
Крадя мою отвагу.

И что бело, и что черно —
Перемешалось снова:
Тот свет, погашенный давно,
Твое ли ясное окно?
И где искать мне крова?..

* * *

Храм на крови —
Признанья в любви
Тем, кто под снегом —
Зови не зови!

Грех небреженья,
Взгляд непрямой —
Нет просветленья
Светлой зимой.

Тени на стуже
Плотны, резки.
Память все туже
Сжимает виски.

Поздней расплатой
В зимних ночах —
Алые пятна
На белых бинтах...

Только неужто
Кто-то родной
Так в дальней стуже
Измучится мной?!

* * *

Снова мерещится
Осень-изменщица,
Мечется, чахнет листва.
Все перемелется,
Только б осмелиться
В дело пустить жернова.

Прописи нищие,
Станьте мне пищею,
Дайте уверовать в вас.
Мудрость житейская,
Узкая, тесная,
Угол мне сдай хоть на час...

СОНАТА ОБ УХОДЯЩИХ

Желтый снег, перемешанный с мокрым песком,
Но асфальт по-июльски сухой.
Топольки-голыши вдоль дороги рядком,
С ними няньки — осина с ольхой.
Нас немало еще. Мало будет потом.
Еще ходим гурьбой, гомоним вразнобой,
Еще спорим, влюбляемся, верим, поем,
Прошлогодние листья ногами гребя...

Но и это уже без тебя.

И была та зима на сквозном берегу,
Та колючая синь. Жаль, что дни коротки.
Расцвели снегири на монаршем снегу,
Красный лыжник — снегирь — вдоль белой реки,
И еще нам тепло в поредевшем кругу,
И еще забиваться в дома не с руки,
Хоть исчезли с окрестных дворов старики
И на ломких веревках твердеет белье...

Но и это уже без тебя, без нее.

Помню зной, когда сыпалась стружкой трава
И ржавела без дела коса,
Как сухая кора, выгорали слова,
Когда пламя валило леса.
Цепенела душа, ни жива ни мертва,
Лишь ревела огня полоса,
И казалось, уже не сыскать никого...

Нет тебя, нет ее, нет его.

Но и лето прошло. И черед октябрю.
Вслед за нами дожди-шаркуны по пятам.
Но одни ли дожди? Плотно дверь затворю,
Приглушу жадный шорох страниц по ночам,
Оглянуться забуду, тоску усмирю.
Я к сыновним прижмусь еще близким плечам,
Чтоб не видеть, как свет у соседей погас...

Нет тебя, нет ее, нет его, нету вас.

Повторятся не раз и торжественный снег,
И на ветках весенних мальчишеский пух,
Легкий бег безнадзорных уклончивых рек,
Смех детей и тяжелые слезы старух.
Сыновей наших этот забывчивый век
Вряд ли будет щадить. Лишь бы свет не потух
В окнах тех, кто им дорог, пусть хватит огня...

Только это уже без меня.

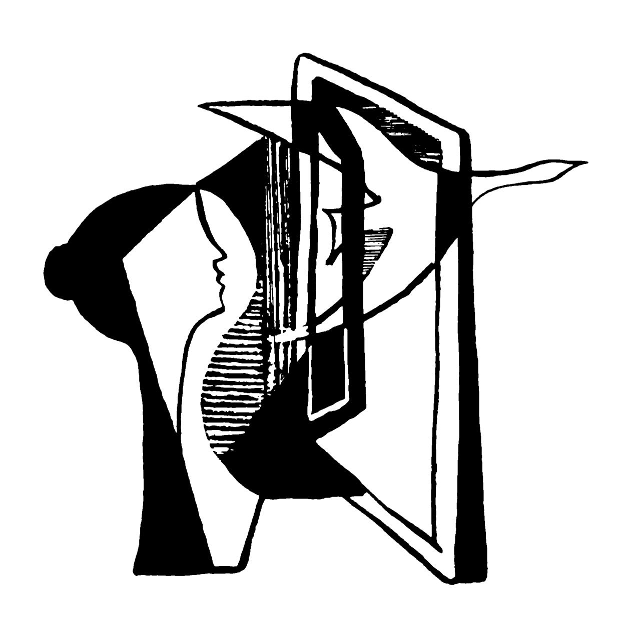
* * *

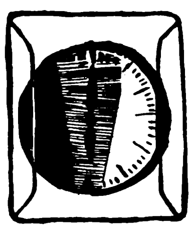
Усталый лист с нагих ветвей
Никак не мог упасть,
Хоть ощущал он все больней
Земли зовущей власть.

С него я не спускала глаз,
Но упустила миг,
Когда и он в ветвях погас —
Своей судьбы должник.

А небо двигалось в окне,
Смещаясь на восток.
Мой край холодный жил во мне,
Смещался, длился срок.

Я ощущала плотью всей
Земли зовущей власть,
Но с нищих, но с родных ветвей
Я не могла упасть.





Прощание с летом

* * *

Седой пунктир на зелени пруда —
И легкой зыбью все пережитое...
И можно не давать себе труда,
Не вглядываться в зеркало пустое.

Меж поручней, заметная едва,
Повисла паутинка и прогнулась...
А на пригорке легкая трава
От теплого дыханья встрепенулась.

Уже мазки густые — не штрихи
Под ветром на зеленый грунт ложатся.
Того гляди — опять пойдут стихи,
И сердце норовит от счастья сжаться.

* * *

Нахохлились, застыли облака:
Их не желает отражать река.

Какою судорогой сведена
Лесная, говорливая сосна?..

Но обсуждать свои проблемы лес —
Со мною? — отказался наотрез.

И облака осыпались, звеня,
За любопытство отхлестав меня.

Неужто вправду — каждому свое?
Им полоскать листву, а мне — белье...

Иголки в небо воздевать сосне,
Вдевать в иголку нитку — это мне,

Прилежно нá нос нацепив очки,
Все вниз глядеть, желанью вопреки...

Очки теряю, голову задрав,
И вижу над собою люстру, шкаф

И потолок, что ровен, близок, бел,—
А небесам своих хватает дел.

ЛЕБЕДИ

Чужих не принимает стая...
И если не подрежут крылья,
Взовьешься, стать своим мечтая,
И сверзишься, изнемогая
От униженья и бессилья.

Останься... Не маши крылами.
Внизу ты сам себе владыка.
Земля пылает под ногами,
Но, вознесен земными снами,
Ты стае не подаришь крика.

* * *

Твердью звалось — что же так беззаветно
Плачет о ком-то все дни напролет?
Влезло во вдовий наряд беспросветный,
Только сережка украдкой блеснет.

Может, неправда? Может, другое?
Это не платье, не вдовий наряд —
Небо раздетое, тело нагое
К солнцу взывает месяц подряд?

Плащ застегнула я, чопорный, чинный,
Вышла — а в небе пронзительный свет!
Слезы отряхивают осины,
Мокрыми пальцами тыча мне вслед.

* * *

Под хриплый рев бульдозера
Замолкло, сжалось озеро,
Трепещет потрясенная вода.
Земля послушно мелется,
В испуге роща мечется —
Погибель, созидание, страда.

Все в жизни совмещается,
Смещается, прощается —
И я себя терпимости учу.
Для каменного здания
Лишился лес дыхания,—
Наверно, это жизни по плечу.

Но вижу мошку слабую,
Раздавленную лавою,—
Не мне ж ей про терпенье толковать!
И если смята рощица,
И если в муках корчится —
Так не бульдозер же на помощь звать!

ОСЕННИЙ ПРУД

Еще сентябрь стеснялся наготы,
Стыдливо проступала позолота,
И лишь над прудом надсмеялся кто-то
В порыве ведомственной суеты:
Спустил всю воду, как одежду сдернул,
И пруд стоял, потерянный, покорный,
И обнажались дна его черты.

И оказалось, что под той водой,
Которая нас нежила, качала,
В прохладные объятья заключала,—
Лишь глины с тиной неопрятный слой.
Но в мелкой лунке, где еще стояла
Вода, не покорившаяся враз,
Еще мелькало что-то, трепетало,
И чья-то жизнь там снизу вверх рвалась.

Наверно, смысл пруда, душа пруда
Не в глине дна и не в осенней смуте:
Не внешность, а призвание — вода,
И раздеванье не открыло сути.

* * *

Что ж, покоя тебе и удачи...
Но, простившись, прозрей, вспомяни,
Как незрячи осенние дачи
В чуть живой облетевшей тени.

Как, забыв городские привычки,
Здесь дворняги бродили да мы,
Как взывали не к нам электрички,
Как, робея, всходили дымы.

Как тому, что боялось назваться,
Чье название так нехитро,
Мы с тобой не давали прорваться,
И бумаги страшилось перо.

Как твердили себе во спасенье,
Что невечно мы будем одни,
Что ненадолго это везенье —
Запоздалые ясные дни.

* * *

Ладони узкие к нам тянет бересклет.
Насторожился клен, от взглядов нас храня.
Ты мне сказал: «Я ждал двенадцать лет,
Вместить ли их в четыре тесных дня?»
Но все, что отнято у каждого из нас
Двенадцатью годами, собралось
В единственный, четырехдневный раз,
Все отыскалось, все отозвалось.
И в предсентябрьском сумрачном тепле,
И в предосенней нежности твоей,
И в остывающей грибной земле
Любовь и грусть. Я складку меж бровей
Губами трону. И в глаза взгляну,
И отодвину боль, в четыре дня вместив
Едва распознанную позднюю страну,
Где ты и я и вдоль тропы обрыв.

* * *

Октябрь, прозрачный и просторный,
И солнце так еще нестрого...
Но мечется, как в клетке черной,
Гордячка, горе-недотрога.

Октябрь ласкает все нежнее,
Она — все прочь, все непослушней.
Ей подавай — что холоднее,
Что дальше, глуше, равнодушней.

Уже недолго рваться к стуже,
Пренебрегать теплом и светом...
Все вздор — чем лучше ей, тем хуже,
Смешно: мороз по коже — летом.

* * *

Глазастое солнце над лесом висит,
В земле бродят лета остатки.
Несорванный гриб вслед нам шляпкой косит.
Мы в город. Мы прочь. Без оглядки.

А что́ б оглянуться! Ведь на́долго прочь —
На осень, на зиму, на жизнь,
На день, прорастающий в холод и ночь...
Листва, погоди, не кружись!

А мы все вперед, в ветровое стекло,
Не видя зеленых обочин,
Которыми лето отстало, ушло
Туда, куда въезд наш просрочен.

Глядим на асфальт, что летит к нам в окно,
Зажатый меж знаков и схем.
Поклон тебе, скорость! С тобой все равно,
Откуда бежим и зачем.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Черный дог от скуки стонет,
Мается, пыхтит вагон,
Разъяренным солнцем донят,
В душный скрежет заточен.

Одуванчики вдоль рельсов
Вслед за поездом бегут.
Путь назад себе отрезав,
Под колесами снуют.

Чуть подальше — огороды
Да сумятица оград.
Сквозь галдеж, сквозь сон и одурь
Пристальный колючий взгляд.

Глажу я красавца дога,
Черный ласковый атлас...
Но и дог взирает строго,
Тоже осуждает нас.

ВЕСНА В КРЫМУ

1

Первый росчерк весенний —
Стремительный всплеск сирени,
Такси петляет, пыля.
Первые пирамидальные
Бледно-зеленые дальние
Знаками восклицательными
Пронзают туман тополя.

С этой весною раннею
Справиться трудно дыханию,
Леностью созерцательной,
Свободой оно стеснено.
Я каждый день — с обновою:
Дерево в парке лиловое
Или в горах пунцовое
Облетающее пятно.

2

Дрозду не мешает,
что рядом поет соловей,
реке не мешает,
что рядом кипит океан,
и вкрадчиво вторит пучине
казенный титан
за дверью моей —
и могу напоить вас чайком.

Бок о бок палаты ума
с глинобитным домком,
и смысл, и бессмыслица,
ветра и птиц кутерьма
даны и провидцам,
и сытым сегодняшним днем,
в чьей скудости плачет, ликует
не дух, а душа,
кто смерти страшится,
ее что ни миг тормоша,
стремясь к ней и стиснутым горлом,
и бельмами глаз,
кто, грудь заливая,
все тянет, хрипя, из ковша...

Доверившись солнцу,
прибрежный песок вороша,
не этим ли самым
и я занимаюсь сейчас?..

3

Листья оливы — сизые блики,
неба узкие отпечатки,
глянцевый взгляд —
след великих религий,
но с веток бесплодных
все взятки гладки,
обильные листья —
безгласные крики.

Пробоины древности на дороге,
мятые камни под нынешней пылью.
Морщинистый кряж и крутые отроги,
чужие пестрящих долин изобилью,
глядят сверху вниз
и подводят итоги.

И видят вьюнки сигаретного дыма,
и слышат, что так же неправедно слово,
и знают, за нами следя недвижимо,
что куст впереди,
безобидный, лиловый,
горит купиною неопалимой.

Чернеют ожоги...
Но мак меж ромашек
алеет, цветет по чьему-то веленью.
И мы убегаем от слов и бумажек,
и в зарослях влажных
мелькают олени,
и птица невечными крыльями машет.

4

Горят горицветы, горюют,
И мы, долговечней стократ,
Вбирая горячие струи,
Спешим мимо них на закат.

Счастливое наше молчанье
И сбивчивость пылких бесед —
Прощанье, прощанье, прощанье,
Дразнящий и меркнущий свет.

5

Встречались мы в жизни другой —
Лет двести тому или двадцать? —
Зачем вспоминать, дорогой?
Счастливо тебе оставаться!

Зачем меня в гору зовешь?
Взбираясь, ты нажил одышку.
Спускаться пора, хоть похож
Ты все на того же мальчишку.

Ко мне загляни на часок —
Припомним доступные горы,
И девственный белый песок,
И храбрые бурные ссоры,

Что были легки словно мяч,
Который мы в море ловили,
Холодный прибой был горяч,
Когда мы без всяких усилий

Ныряли в зеленую соль,
Еще не травившую раны...
Короткая жгучая боль,
Отходчивых слез океаны...

Но ты не уходишь, сидишь,
Задернутый плотным туманом...
И память скребется, как мышь
В той жизни скреблась за диваном.

6

Танцевальная площадка

Площадки танцевальной
зыбучее нутро.
Там замкнутые лица,
как поутру в метро,
Там руки, плечи, ноги
куда-то наугад
В мажоре микрофонном
безрадостно скользят,
То в ритм не попадая,
то следуя за ним,—
Так пассажир в вагоне
трясется, недвижим.
В объятьи старомодном
мы движемся с тобой,
Глаза в глаза вперяя
и руку сжав рукой.
Никто не засмеется
и не прогонит нас —
Всеведущие дети,
заученный экстаз.
Мы им неинтересны,
а нам они страшны —
Подранки иль пираты —
без веры и вины.
Что видит, что скрывает
невидящий их взгляд?

На юных гладких лицах
 следы каких утрат?
Друг друга не касаясь —
 им ни к чему партнер,
Глотают, извиваясь,
 громоподобный сор,
Летящий в них с помоста,
 где трое бедолаг
С мелодией нахальной
 не справятся никак.

Приморский щедрый вечер —
 и этот нищий рой,
И музыка без музы,
 глушащая прибой...
Уйду туда, где ветер
 гудит в кустах тугих,
Взгляну в глаза немые
 ровесников моих —
Без танцев танцплощадка,
 без направленья шаг...
За берегом зеленым
 пылит седой большак.

7

Притча о яблоне

О преимуществах безлюдного пути
Давай не будем говорить, дружок...

На взгорке в стороне от всех дорог
Свое шептала яблоня-дичок
И так цвела, что мимо не пройти,
Когда бы мимо *шли*... И что с того,
Что мы, возникнув рядом невзначай,
Пытались вслушаться во все, что май
Внушал ей. Собственное торжество
Ему важнее было, чем она,
И походя ее он обласкал,
И ринулся вдоль гор, ущелий, скал,
Ее не слыша. Не была слышна
Она и нам с тобой. О ней забыв,
Мы продолжали свой совместный путь,
Вошли в лесок, где, не успев вздохнуть,
Мы услыхали птичий перелив
И разговор соседствующих крон,—
Цеплялась ветвь за ветвь.
                                        Деревья не цвели,
Но жили вместе, пели, как могли,
Надежен был их путь и немудрен.

О преимуществах безлюдного пути
Давай еще поговорим, дружок...

На взгорке в стороне от всех дорог
Свое шептала яблоня-дичок
И так цвела, что мимо не пройти.
Ей дела не было до нас с тобой
И до того, что толковал ей май,
Он мимо проносился — и пускай,
И мимо мы прошли, но ей одной,
Стоящей одиноко в стороне,
Открыты были петли всех дорог,
И бодрый лес, и сумрачный отрог,
И петь о них в безлюдной тишине
Никто, никак ей помешать не мог.

8

Мерцают аметисты
Задумчивых стрекоз...
Хоть говорить цветисто
Я не люблю до слез —

Но что же делать, если
Ты нынче так богат
И на балконе в кресле
Сидит жучок-агат?

И ящерица — юркий
Скользящий изумруд...
Так вытряхни окурки,
Дела пусть подождут.

Вглядимся лучше в дело,
Которым занят луг,—
Трава так осмелела,
Ей вянуть недосуг,

Она не хочет сохнуть,
Ей хорошо в росе.
И по кому ей сохнуть —
По вилам и косе?

Всему свой час. Сначала
Всей зеленью — в зарю...
Что ж ты молчишь устало,
А я все говорю?

9

Какое это счастье — боже мой! —
Часами разговаривать с листвой,
Дышать ее сумятицей живой,
Смешать свою судьбу с ее судьбой;

Забыть, что существуют поезда
И город, где твой свет, твоя беда,
Поверить в свет, который шлет звезда,
Постигнуть боль упавшего плода —

И лица близких увидать во сне,
Тоскою задохнуться в тишине
И размечтаться о недальнем дне,
Когда метаться станешь в суетне —

И в первую же ночь увидишь сон
О листьях, живших с четырех сторон.

В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ

1

Змея ползла, и самолет летел,
На рынке продавали фейхоа́,
Курортницы вострили самострел —
Она лежала среди бледных тел,
Охотясь за теплом,— как снег, тиха —

Как неуверенный, непрочный снег
За облаками, в городе родном,
Где этот летний день был зимним днем,
Где так шершавилась поверхность рек,
Как этот сморщенный сухой чурек,
Надкусанный, присыпанный песком.

За ярусами пухлыми холмов
Щербатый задник в сизый тюль одет.
Восторженных ей не хватало слов —
И слава богу!.. Сторонясь бесед,
Смотрела в новый день поверх голов.

Лоснилась навощенная хурма,
Незимний мандарин просился в рот.
И зная все, чему придет черед,
Чем сушит мозг бессонниц кутерьма,
Вжималась в пляж — блаженствующий крот
И жмурилась... А через день — зима.

2

В гигантском крыле заплуталась луна,
В слоящихся перьях взлохмаченной птицы.
А солнцу не терпится в море скатиться,
Макушка багровая еле видна.

Конечно, вы мигом мне все объясните —
Зачем тот павлин, распушившись в зените,
Луной в оперенье своем щеголяет
И кто и зачем в краску море вгоняет,—
Но все-таки мало мне ваших открытий.

И как меня скептик ученый ни правь,
Я верю, что вместе пускаемся вплавь —
На разных волнах — во вселенной одной —
И я, и мой скептик, и солнце с луной —
И кто-то невидимый, кто-то безвестный,
Следящий за нами из пристальной бездны...

3

Тикали ходики в доме когда-то...
Не отличаю мгновенья от суток.
Меж полыханьем зари и заката
Вздох неглубокий — весь промежуток.

Помню, как стрелки шагали широко,
Помню звонок избавительный школьный.
Вот и опять я сбежала с урока,
Ноздри щекочет свободой невольной.

Здесь на рассвете, здесь на закате
Морем размножены красные стрелки.
Здесь на вобравшем миры циферблате
Сутки мои — скороспелки, безделки,—

Впрочем, как те тарахтелки, что мчатся
Там, по шоссе, и чье дорого время.
Маятник, стой! Дай еще покачаться
В ритме прибоя вместе со всеми —

С гномиком, хнычущим в комбинезоне,
С матерью, что по часам его кормит...
В спину глядит циферблат на перроне,
Стрелок гримасы все беззаконней.

4

Тяжесть тайных побуждений
В искренних глазах.
Вязь лукавых рассуждений,
Заплетенный страх...

Ухожу от разговора,
На небо гляжу.
Солнце, красно от позора,
Близко к рубежу.

Тьма тиха и сердобольна.
Только шмель жужжит.
Только в лампочке настольной
Искра дребезжит...

Ночь осталась на бумаге.
Чист, прозрачен день.
И от страха до отваги
Лишь зари ступень.

5

Вечер в Тбилиси

Девочка с полотен Пиросманашвили,
круглоголовая, круглоногая,
в белых круглых оборках,
внимательно склонив коричневую челку,
играла на скрипке в особняке,
увешанном пейзажами Тифлиса и Парижа.
Слушали девочку аристократы —
узколицые седеющие князья,
длинноокие красавицы княгини
в тяжелых браслетах на тонких запястьях.
С трудом оторвавшись от телевизора,
расселись по стенкам
их взрослые дети
с отрешенными четкими лицами.

Между пассажами
врывался в гостиную рокот —
это взрывался проспект Руставели:
грохоча высокими каблуками,
шли по нему патриоты,
справляя национальный праздник,
скандируя имена героев —
футболистов «Динамо» (Тбилиси).

Мы вышли после концерта,
затесались в мужскую толпу,
вдохновенную, пламенноглазую.
Взлетали резвые транспаранты,
где изящным старинным шрифтом

было начертано
гордое слово Д и н а м о.

На улочке затаенной
осталась робкая скрипка
и малая горстка
сгрудившихся у рояля,
что родилс́я в восемнадцатом веке
и сумел уцелеть в двадцатом.

ДВОЙНОЕ ОТРАЖЕНЬЕ

Кате

1. НА ПРОГУЛКЕ

Уютна карета,
Весною прогрета,
Плывет вдоль домов синева.
В карете красотка,
Глаза смотрят кротко —
Безгрешный батист, кружева.

Красотке полгода,
И что ей погода —
И солнце, и дождик впервой.
Покуда в коляске,
Везде — только ласки,
Баюкает гул городской.

Проснулась — и в слезы.
Какие угрозы
Спугнули младенческий сон?
Мне вспомнилось детство —
Куда от вас деться,
Теплушка, промозглый вагон?

Бренчит погремушка,
Склонилась старушка:
— Ах, не было б только войны! —
И взгляд сердобольный...

Не надо, довольно,
Мы опытом страшным больны.

В карете нарядной
Поедем обратно
Домой — о своем лепетать...
Ой, батюшки-светы,
Не надо газеты
Старушкам и детям читать.

2

Я дела своего уже не знаю.
Младенец в доме — вот оно и дело.
Баюкаю, купаю, пеленаю —
Все остальное будто отлетело.

Мои стихи — мои другие дети —
За пыльной шторой плачут без призора.
Лишь иногда поднимут на рассвете —
И теребят, и требуют простора.

Перо тоскует, и зовет коляска.
Я знаю: предпочтенье — пораженье.
Младенцу — сказка и стиху — завязка,
Двух жизней свет — двойное отраженье.

3. В ДОРОГЕ

Спидометр бок о бок с часами,
И взапуски стрелки бегут.
Расстаться торопимся сами
С дорогой, холмами, лесами,
С медлительным ходом минут.

Скорее, скорее, скорее —
Пространство и время спешат.
Листок мимолетный стареет,
Мой полдень за кузовом реет,
Но стрелки свой подвиг вершат.

Шлагбаум — стоим в нетерпенье,
Как долго грохочет состав!
Промчались гремучие звенья —
Куда нас мгновенья-ступени
Взметнут, километры вобрав?

...Но там, где замрут обе стрелки,
Смеется и плачет дитя.
И в этом вся суть — без подделки —
Я в няньки спешу и в сиделки,
Сквозь время и версты летя.

4

Это неприкаянное облако,
На меня глядящее, смятенное,
С переменчивым дразнящим обликом —
Тоже я, мы с ним одна вселенная.

Эта ночь, высокая, огромная,
Звезды в ней — как будто мысли звенья.
Необъятность, властная и темная,
Наших жизней вобрала мгновения.

Мы живем в пространстве — не во времени.
Вечны мы, как небеса бессмертные...
Что ж такая тяжесть в смертном темени?
Что ж глушит минут биенье мерное?

Что ж так больно мне при виде сгорбленной
Старческой фигуры ковыляющей?
Что ж так жалко мне девчушки голенькой,
В первый раз к сочувствию взывающей?

Я хочу поверить в их бессмертие
И в свою причастность к мирозданию...
Но пока живу на этом свете я —
Все земному предана страданию.

5

Птиц голоса человечьи,
Трель проливная дождей —
Вы в темноте моей свечи,
Звезд августовских звончей.

Все сочетается в хоре,
Светится и поет.
В сельской дощатой конторе
Дятел по клавишам бьет.

Вот телефон мелодичный
Тремоло вывел свое...
Что ж, поскучай, мой кирпичный
Дом — городское жилье.

Жизни все у́же воронка —
Щелка среди кирпичей...
Но вспоминаю ребенка
С голосом птицы звончей.

В чуть проблеснувшей короне
Гром осторожно прошел...
Кто-то совсем посторонний
Раньше садился за стол —

Чтоб рифмовать свои бредни,
Класть на нехитрый мотив...
Девочка, стих мой последний
Только тобою и жив.

6

Что ты бормочешь, дружок, засыпая?
Слов самых первых слетается стая —
С улицы тесной через балкон
В непостижимый просторный твой сон.

Что ж я так мучусь, слова зазывая,
Свой самый первый сон забывая,—
Мама и папа, котенок и мяч —
Что ты? О чем? Не пугайся, не плачь!

Я прикасаюсь тихонько к подушке:
Вот мы какие с тобою подружки!
Вместе мы первые учим слова —
Мама и папа, книга, трава...

Разницы нет меж тобою и мною.
Есть только время мое — за спиною.
Есть только время твое — впереди.
Не торопись, первый сон догляди!

ДВА ОКНА

Дыша цветниками балконными,
Засыпает Малая Бронная.
Баюкают Бронную,
Темнооконную,
Пруды затаенные,
Тихие, сонные.

Бессонницей мучается одно
Мое неприкаянное окно.
Светом непрошеным
Рваться во тьму
Грустно ему,
Одиноко ему.

Что это?
Старый, солидный дом
Вдруг подмигнул мне
Высоким окном:
Оно загорелось,
Не в силах уснуть,
И млечную руку свою протянуть
Окну моему решило?
Иль, ясновидящее,— как знать? —
Из моего окошка прогнать
Сумятицу дня спешило?
А может быть, вместе с моим, отчаянным,
Хотело светить прохожим случайным,
Смекнув, что два горящих окна —
Это уже почти луна?

* * *

А. Беляковой

Какой нынче праздник? Кто так исступленно
Играет огнями на звонком пруду?
О чем это галки кричат изумленно
И что же я плачу у них на виду?

Какой невидимка стоит за спиною
И волосы треплет мне легкой рукой?
О чем говорит до заката со мною,
Как с птицами листья, как ветер с рекой?

Мне б только расслышать, мне б только поверить
В тот голос, тот шепот, тот праздничный зов
И вновь обрести, кроме прав на потери,
Свободу дыхания, жеста и слов...

СОДЕРЖАНИЕ

И была я одной из веток...

Елена Мееровна Аксельрод

ЛОДКА НА СНЕГУ

М.. «Советский писатель», 1986, 144 стр.
План выпуска 1986 г. № 164

Редактор *Е. Л. Храмов*

Худож. редактор *Д. С. Мухин*

Техн. редактор *Ф. Г. Шапиро*

Корректор *А. В. Муравьева*

ИБ № 5402

Сдано в набор 11.11.85. Подписано к печати 17.04.86. А 03401. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,30. Уч.-изд. л. 3,70. Тираж 17 400 экз. Заказ № 757. Цена 40 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Аксельрод Е. М.

А 42 Лодка на снегу: Стихи.— М.: Советский писатель, 1986.—144с.

Новая книга Елены Аксельрод — горькая и мужественная лирика, но мир этой книги отнюдь не камерный: как сказано самим поэтом, в эту книгу «стучатся страны и века», многие стихи пронизаны дыханием эпоса.

$$А \frac{4702010200-184}{083(02)-86} 164-86$$

ББК 84. Р7

40 коп.